

Гарри, однако, это не испугало, и часть его сознания признала, что так было правильно. Тем не менее, несколько мгновений спустя темноволосый юноша сказал: "Ваше Величество, она действительно смогла продержаться против меня несколько минут".

В этот момент Император удивленно моргнул, а когда спустя несколько мгновений он полностью перевел взгляд на Гарри, юноша увидел, что тот принял серьезное выражение лица: "Магия?" - спросил он.

Гарри кивнул в ответ, хотя на самом деле ничего не сказал, так как знал, что того, что он сделал в этот момент, уже более чем достаточно.

"Как?" - спросил Император, но не успел он закончить вопрос, как вдруг покачал головой и добавил: "Нет, более важный вопрос - кто".

Гарри снова кивнул, но опять ничего не сказал. Однако он понимал, что творится в голове у Императора: ведь цель, против которой его послали, - британская, а на Британских островах есть четыре магические школы, и все четыре управляются силами, верными Императору. Если его цель проходила через одну из этих школ, то они должны были знать об этом.

Более того, в досье, которое Гарри прочитал, не было ничего, что указывало бы на то, что Гермiona прожила значительную часть своей жизни за пределами Британских островов, а значит, она обучалась магическим искусствам на Британских островах, и это означало, что там есть школа, которая обслуживает тех магглорожденных, которых не заметили отряды Снейджеров Империи.

Конечно, отряды Снэтчеров постоянно упускают магглорожденных - их вряд ли можно назвать компетентными в этом вопросе, - но чтобы они упустили кого-то столь важного, как Гермiona, - это говорит не о некомпетентности и самодовольстве, а о соучастии либо самих Снэтчеров, либо тех, кто назначает им цели.

Очевидно, что Император тоже думал об этом, потому что несколько мгновений спустя он вдруг сказал: "Я бы поручил кому-нибудь изучить этот вопрос со стороны Похитителей и их административного управления, каким бы неумелым оно ни было". Он сделал паузу, но прежде чем Гарри успел что-то сказать - а именно, что он собирался попросить назначить его ответственным, - Император добавил: "У тебя есть задание".

Не зная, что сказать в ответ, Гарри решил промолчать, и тогда император смог продолжить: "Ты сломаешь мисс Грейнджер и превратишь ее в своего преданного и восторженного питомца и наложницу, подобно тому, как твой отец превратил твою мать", - сказал он.

В этот момент Гарри сделал паузу, борясь с желанием закрыть глаза. Он не видел, как его отец общался с матерью, так как их убили ещё до того, как ему исполнилось два года, но из всей информации, которую он почерпнул из разных источников, следовало, что его мать была полностью покорна его отцу, и он не мог не задаться вопросом, что же на самом деле сделал Джеймс Поттер.

Конечно, не успел Гарри полностью погрузиться в эти размышления, как его вернули в настоящее, когда Император неожиданно сказал: "Как только вы ломаете ее, она с радостью расскажет вам, кто ее обучал, я уверен".

Это заставило Гарри моргнуть, хотя он и сказал себе, что, конечно же, не видит этого. Он полностью переключил свое внимание на лицо Императора и увидел серьезное выражение лица, с которым тот смотрел на него в этот момент. Это было все, что ему нужно было увидеть, чтобы понять, что император не собирается принимать от Гарри отказа, но если быть честным, то темноволосый юноша должен был признать, что теперь, когда он понял, чего хочет от него император, он мог с энтузиазмом поддержать этот план.

"Да, Ваше Величество, - ответил Гарри несколько мгновений спустя. Он сделал небольшую паузу, прежде чем спросить: "А что насчет генерала Чанга?"

Выражение лица Императора в этот момент было озадаченным, но прежде чем Гарри успел что-то сказать, Император вдруг сказал: "Он просто немного расстроен из-за того, что ты

прервал его брифинг, Гарри, не стоит на него обижаться", хотя он сделал паузу, и несколько мгновений спустя Император добавил: "Но если план, который он предлагает, провалится, тогда ты можешь наказать его, забрав его дочь у него на глазах".

"На самом деле я не это имел в виду", - ответил Гарри, но даже если это были первые слова, сорвавшиеся с его губ в ответ на слова императора, он не сказал больше ничего, так как несколько мгновений спустя он встал и сказал: "Я откланиваюсь, ваше величество, так как мне нужно выследить кучу предателей".

Поскольку Гарри повернулся к императору спиной, прежде чем старший мужчина успел что-то сказать, он не заметил знающей улыбки, появившейся на лице императора, и эта улыбка не сходила с лица еще долго после того, как Гарри покинул комнату.

Только когда Гарри покинул комнату, Император пробормотал себе под нос: "Пусть начнутся игры".

Первое, что заметила Гермиона, вернувшись в сознание, - это боль в голове, и первое впечатление было сродни тому, что испытываешь, проснувшись после ночной попойки, хотя, поскольку она не ощущала во рту даже слабого привкуса алкоголя, можно было с легкостью заключить, что она не страдает от похмелья.

Конечно, напряжение, которое она ощущала на руках, не было тем, что она чувствовала бы, если бы страдала от простого похмелья, и когда Гермиона задумалась об этом, ее поразило ощущение чего-то холодного и металлического на запястьях, которое отразилось на ее лодыжках, когда она поняла, что все, что было на ее запястье в этот момент, также было на ее лодыжках.

Именно в этот момент Гермиона поняла, что на самом деле она не лежит на матрасе или чем-то подобном, а, судя по тому, как на нее действует сила тяжести, симпатичная брюнетка

должна была сказать, что она стоит, и на несколько мгновений это смутило ее, потому что она не могла - по крайней мере, в тот момент - придумать, как она может стоять на ногах и одновременно быть без сознания.

Однако ответ быстро всплыл в голове Гермионы, и она широко распахнула глаза, вспомнив ситуацию, в которой оказалась. Однако даже если бы она открыла глаза, то ничего не увидела бы, и, действительно, на краткий миг симпатичная брюнетка задумалась, не открыла ли она глаза, потому что действительно ничего не видела, хотя ей потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что причина этого в том, что она находилась в абсолютно черной комнате, и свет не проникал в нее.

В этот момент ее мысли обратились к человеку, с которым он планировал провести этот вечер, и всепоглощающее чувство грусти овладело ею, когда она сказала себе, что в последний раз видела его лежащим на полу концертного зала, а его безжизненные глаза смотрели в потолок.

В темноте Гермиона нашла время подумать о случившемся, и выражение гнева - хотя в тот момент никто не мог это прокомментировать, ведь никто, кроме неё, не знал, что у неё такое выражение - появилось на её лице, когда она вспомнила слова, которые "Гарри Поттер" сказал своему спутнику перед тем, как убить его.

Она была обещана мне", - вспомнила она, и, когда эти слова всплыли в памяти, выражение гнева на лице Гермионы усилилось, даже когда она сказала себе, что никому не была обещана.

Неужели он тот самый?" - спросила себя Гермиона и ужаснулась, когда поняла, что ответ на этот вопрос, скорее всего, утвердительный. Конечно, если Гарри Поттер не тот, кого она должна была искупить и не дать стать Темным Лордом, то у Гермионы тем более есть повод для паники - ведь она попала в плен к тому, кто явно имеет на нее гнусные планы.

Именно в этот момент в комнате включили свет, и он был настолько интенсивным, что Гермиона не могла не закрыть глаза. Она держала их закрытыми почти полминуты, давая им привыкнуть, а когда через несколько мгновений открыла глаза, то не могла не задохнуться от увиденного.

То, что ее держат на ногах, она могла подтвердить и без того, чтобы видеть, что ее окружает, но теперь, когда она могла видеть, она смогла рассмотреть, как ее держат на ногах: руки были вытянуты над головой и привязаны к деревянной квадратной раме с помощью пеньковой веревки, которая была обернута вокруг цепей, соединяющих два наручника вокруг ее запястий.

Пеньковая веревка была также подсоединена к наручникам на лодыжках, и, как и веревка, обмотанная вокруг наручников на руках, веревка, прикрепленная к наручникам на лодыжках, была подсоединена к той же раме, но эти веревки были подсоединены к нижней части рамы и таким образом, что у Гермионы не было другого выбора, кроме как держать ноги раздвинутыми.

Облегчение, которое Гермиона испытала, когда поняла, что все еще одета, через несколько мгновений сорвалось с ее губ, но даже ей пришлось бы спросить, не был ли этот вздох преждевременным, когда она наконец набралась смелости и огляделась вокруг, потому что ей достаточно было взглянуть в любую сторону - кроме спины, конечно, - чтобы понять, что ее прежний вывод о том, что она находится в комнате, был ложным, потому что, хотя это место действительно имеет четыре угла, вряд ли это была комната. Это, несомненно, было подземелье...

<http://erolate.com/book/4071/112173>